

Глубокой ночью, на борту самолёта в Сиань, Сюй Чжичжэнь крепко спал, укрывшись бежевым пледом, любезно предложенным стюардессой. Сон его был беспокойным, и по щеке скатилась слеза.

Се Бэй оторвался от игры, посмотрел на время и решил тоже вздремнуть. Перелёт был недолгим, а по прилёте сразу предстояло заселяться в отель. Повернувшись за наушниками, он краем глаза заметил слезу и на мгновение замер. «Что за страшный сон ему снится?..» — пробормотал он, взял салфетку и аккуратно вытер её, после чего приготовился отдыхать. Однако в голове невольно всплыли слова, сказанные днём Нянь Нэнцином.

Они с Сюй Чжичжэнем снимались отдельно: он — боевую сцену, а Сюй — дуэт с матерью. После съёмок и снятия грима они сразу отправились в аэропорт. Пока Се Бэй разгримировывался, Нянь Нэнцин зашёл поболтать и обронил: «Он, пожалуй, и вправду создан для этого пути».

Се Бэй нахмурился, зная, что Нянь не станет говорить такое просто так, и спросил почему.

Нянь, всегда прямой, тут же с оживлением рассказал о происходящем на другой площадке. Выслушав, Се Бэй задумался. Сюй Чжичжэнь всегда был куда спокойнее его. Они часто работали вместе, и он хорошо знал его состояние. Во время репетиций, пусть и случались яркие, накалённые противостояния, стоило им закончиться — оба обычно тут же обменивались улыбками, мгновенно выходя из образа. Случай же, описанный Нянем, Се Бэй с Сюем ещё не сталкивался.

Такое на съёмках бывает — актёры погружаются в роль, особенно новички вроде Сюя, для которых работа в настоящих декорациях несравнима с учебными этюдами. Временное «залипание» естественно. И всё же Се Бэй не мог не удивиться. Он читал биографию Фу Бу, знал характер персонажа и о какой именно сцене идёт речь, но не ожидал, что Сюй погрузится настолько, что даже после выхода из роли не почувствует боли.

Подумав немного и не найдя ответа, он вскоре уснул, хотя и во сне брови его оставались слегка сведены.

Ночной рейс прибыл в Сиань уже под утро. Се Бэй в маске и кепке сошёл с трапа. Нянь Нэнцин, ещё сонный, поначалу ничего не заметил, и лишь выйдя в зал прилёта, увидел собравшихся фанатов. Девочек было много, и немало среди них — с серьёзными фотоаппаратами. В масках они шли за группой, сохраняя дистанцию. Порядок в целом соблюдался, охраны сегодня не было — летели со съёмочной группой.

Сюй Чжичжэнь шёл в растерянности, лишь на полпути вспомнив надеть маску. Он следовал за Нянем, разглядывая трудящихся на посту «станцзе».

Нелёгкая работа, в такой час дежурить в аэропорту.

Только сев в поданную группой машину, Сюй расслабился. Но тут он заметил, как Нянь достал телефон и набрал номер. Он прислушался.

«...Да, точно, кажется, он... Проследи, посмотри рядом с отелем... Пока не ясно, есть ли «жёлтые коровы» за нами, поймём, когда выедем на трассу... Да, будь внимателен, и извини за беспокойство в такой час...»

Сюй, не понимая, толкнул локтем Се Бэя и придвинулся: «О чём говорит Нянь?»

Тот ещё не до конца проснулся, весь съёжившись в оверсайз-худи, в маске, с затуманенным взглядом. Секунду помолчав, ответил: «Увидел одного назойливого фаната. Тот уже пару раз преследовал на машине и караулил у отеля. Нянь, видимо, беспокоится...» — он зевнул и снова закрыл глаза.

Сюй был потрясён. Назойливый фанат? Среди тех девушек?

В последние годы, с популяризацией фан-культуры и ростом числа знаменитостей, индустрия развлечений становилась всё прибыльнее. Вместе с «жёлтыми коровами» множились и «сасаны» — навязчивые поклонники. Фандом их отвергал, но остановить волну было почти невозможно. Сюй впервые узнал о них из статьи в соцсетях и тогда испытал шок, не в силах представить, какая искажённая психика заставляет человека становиться «сасаном».

И вот теперь выяснилось, что среди тех самых девушек был такой? И он уже преследовал их?

Сюй откинулся на сиденье, глаза его были широко раскрыты. Он долго не мог прийти в себя.

Однако дорога прошла без происшествий. Нянь, понаблюдав, и водитель, подтвердив, что за ними, кажется, никто не следует, взяли курс прямо на отель. После регистрации, уже глубокой ночью, все разошлись по номерам.

Отель в Сиане был пятизвёздочным, сняли два люкса. Сюй, еле волоча ноги, добрался до главной спальни и, не раздеваясь, рухнул на кровать. В восемь с небольшим его разбудил ассистент, и он, с лёгкой синевой под глазами, отправился в душ и занялся уходом за кожей. В Сиане снимали на натуре, павильонов не было, а поскольку приехали они поздно, было решено подготовиться в отеле и ехать на площадку уже в гриме и костюмах.

Визажист, закончив с Се Бэем, пришёл в номер к Сюю. Тот уже переоделся и снова крепко спал на кровати. Визажист, усмехнувшись, принялся накладывать грим прямо на спящего. И что удивительно — Сюй не проснулся до самого конца, чем насмешил всех присутствующих. «Такого хоть похищай — и то не очнётся», — шутили они.

Съёмки проходили у древней городской стены. К полудню Сюй наконец-то поел горячего риса — правда, всего полмиски, с овощами и парой кусочков куриной грудки, но съел всё дочиста. Площадку уже подготовили и частично оцепили. Режиссёр второй группы, Чжан Хэнго, подошёл поздороваться, они коротко обсудили детали и приступили к работе.

Впервые оказавшись в Сиане, он ещё не успел насладиться новизной места, как уже должен был вложить всю свою энергию в мир истории. Сюй непроизвольно теребил край длинного халата. Воздух вокруг был прохладным и чужим. Он успокоил дыхание, закрыл глаза и вернулся в тот мир.

У древней стены двое шли молча, медленно, будто этому пути не будет конца.

За ними клонилось к закату багровое солнце, но после полудня оно уже смирило пыл, лишь лениво разливая свет, окутывавший юных, ещё незрелых героев.

Выражение лица Хуа Хуа по-прежнему дышало надменностью. Рука его небрежно лежала на затылке, а тёмно-синий длинный халат сидел на нём как-то несуразно. Плечи юноши были слишком худыми, чтобы держать его форму, и со спины его фигура казалась особенно хрупкой.

Фу Бу был ещё тоньше, словно тень, прячущаяся в простом халате цвета небелёного полотна, — казалось, дуновение ветра унесёт его прочь.

Взгляд его был растерянным, полным неуверенности и потерянности, когда он смотрел вдаль. Рядом с Хуа Хуа они казались полными противоположностями.

Хуа Хуа заметил его состояние, искоса взглянул на него. Как раз подул ветер, и они остановились у стены, прислонились к ней.

— Что с тобой? На себя не похож, — голос Хуа Хуа звучал легко, с привычной насмешливой ноткой, концовка фразы взлетала вверх. Он и сам всегда улыбался — искренне ли, нет ли, — не скупясь дарить улыбки. Казалось, он был прирождённым повесой, скитальцем в этом мире, не ведающим, чего ищет.

Глаза Фу Бу покраснели. Он смотрел на длинную дорогу у подножия стены, на снующих туда-сюда людей, на низкие дома под черепичными крышами, на мелькающие рикши, пролетающие мимо трамваи, на важничающих полицейских инспекторов, на оглядывающихся по сторонам прохожих, на медленно бредущих женщин с детьми на руках.

Всё-всё в Бэйпине ему предстояло оставить, чтобы бежать в далёкие заморские края. И всё равно не было известно, удастся ли избежать надвигающейся бури.

Голос его дрожал, горло сжалось. Он повернулся к другу. Взгляд его, будто прикрытый тонкой слюдяной пластинкой, и в то же время будто способный пронзить её, прямо устремился в беззаботные глаза юноши. Тот вздрогнул.

— Мать хочет, чтобы я уехал учиться за границу, но...

Он оборвал себя, снова повернулся и уже твёрдо, решительно уставился на мирный, залитый солнцем Бэйпин.

Даже другу было нелегко понять ход его мыслей. Его горе и вправду — кому было понять? Характер у него всегда был мягким, податливым, и даже редкие вспышки твёрдости потом заставляли его мучиться угрызениями совести. Тем более когда решение исходило от матери — послушаться он и вовсе не мог. И всё же это было впервые за много лет, когда он всем сердцем, по-настоящему чего-то захотел, а его словно сковали по рукам и ногам, лишив возможности действовать. Юношеские переживания просты, мысли не так изощрённы, как в будущем, и сейчас он словно зашёл в тупик: чем больше думал, тем мучительнее становилось.

<http://bllate.org/book/16272/1464541>